

Бактыкожа

Измухамбетов

ЛЕТИТ НЕУМОЛИМО ПТИЦА-ВРЕМЯ...

От переводчика

В 2022 году в алматинском издательстве «Mereke baspasy» был выпущен поэтический сборник Бактыкожи Измухамбетова «Мотивы вечности». Имя поэта Бактыкожи Измухамбетова, совсем недавно отметившего свое семидесятипятилетие, хорошо знакомо ценителям казахской поэзии по публикациям в таких солидных республиканских литературных изданиях, как «Қазақ әдебиеті» и «Ана тілі». В казахском оригинале в разные годы из-под его пера вышли книги, среди которых «Жыр жолымен», «Шақырса шабыт», «Белестерге жалғасып жыр жолдары», «Қоршаса ойлар». Уроженец Западного Казахстана, государственный деятель, мажилисмен, председатель Республиканского совета ветеранов, ученый, один из основоположников нефтяной отрасли суверенного Казахстана, Бактыкожа Салахатдинович Измухамбетов на новом историческом витке продолжил старые степные традиции, согласно которым разносторонняя многогранность одаренной личности считалась чуть ли не вполне обычным явлением. Достаточно вспомнить имена Абая и Даулеткерей, Махамбета и Таттимбета, чтобы с уверенностью говорить об удивительной универсальности таланта казахских поэтов и кюйши, жырши и мыслителей, многие из которых гармонично сочетали свою административную деятельность с художественным творчеством. Член Союза писателей Бактыкожа Измухамбетов, чья душа поет в ритме домбрового кюя, счастливо соединил основную сферу профессиональной деятельности с искусством слова и музыки.

«Музыка покоряет душу... Даже во сне музыку слышу», – пишет Бактыкожа Салахатдинович, поэтому вполне обоснованно названием нового сборника его стихов становится заголовок одного из его поздних стихотворений – «Мотивы вечности». Для меня эта книга стала и переводческим дебютом, и волнительным испытанием на прочность и способность к долгому «марафонскому забегу», ведь работа над сборником продолжалась около полутора лет. Как пишет Т. Толстая, переводчик это тот, кто «приклонил ухо, разобрал, понял и взял на себя тяжкий труд донести это до меня, перевести, переосмыслить, подобрать слова, сравнить, взвесить, чем-то пожертвовать, устроить и организовать, накрыть пиршественный стол, чтобы самому скромно уйти в тень примечания, отойти в сторонку, слиться с толпой». Вживаться в образы и язык, проникаться мыслями и чувствами

автора оригинала было интересно и ответственно. В «Просторе» уже опубликована трагическая поэма исхода «Вспоминая “Елим-ай”», увидели свет и другие произведения Б. Измухамбетова. Тема казахского голодомора, переосмысление советского прошлого, рассуждения и размышления об ушедшем и нынешнем в их противоречивости – вот содержание значительной части его стихов. Столь же часто поэт обращается и к ярким страницам своей собственной биографии: об этом, к примеру, его «Йемен», «Уфа», «Рассказ моего деда», «Сайгаки». В стихотворении «Мама и Жумекен» поэт раскрывает секрет собственной склонности к музыке и неизбывной любви к домбре. Эпичность и назидательность, как непрменные атрибуты его поэзии, соседствуют с теплом дружбы, благодарности и любви в стихах-посвящениях «Аману Тулееву», «Друзья навек», «Человек-легенда Фариза» и др.

«– Не знаю, что у тебя будет с нефтяной специальностью, но в твоих стихах есть поэтическая искра, храни ее на всю последующую жизнь...», – так когда-то напутствовал молодого Бактыкожу сам Толеген Айбергенов. По мнению Бахытжана Канапьянова, автора вступительного слова к сборнику «Мотивы вечности», Бактыкожа Измухамбетов полностью оправдал доверие своего великого старшего современника. Достигнув почтенного возраста аксакала, Бактыкожа Салахатдинович чувствует потребность в передаче своего опыта молодым, и, в отличие от многих сверстников, тяготеет не к прозаическим мемуарам, а к жанру большого стихотворения или поэмы. Таковы и произведения, предлагаемые вниманию читателей в новом номере нашего журнала.

ЙЕМЕНСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Аяд, Атак, Сейун, Эль-Мукалла,
Алим, Шабва, Ходрамаут и Аден...
Дорога дружбы в Йемен позвала,
Источник нефтяной был нами найден.

Геолог с геофизиками здесь,
Бурильщик, повар, врач,
шофёр, строитель.
Достоин пройден путь тернистый весь,
И каждый был герой и победитель.

Сплотились быстро в крепкую семью,
Друг друга понимали с полуслова,
Ценили роль и миссию свою,
К труду, как к подвигу, всегда готовы.

В тени плюс шестьдесят, хамсин в лицо
Песчаной бурей яростно швыряет.
Здесь ежечасно нужно быть бойцом,
В борьбе с природой,
на переднем крае.

После обеда в йеменский четверг
Мужчины кат жуют, ловя виденья.
Пусть Мухаммед-пророк вино отверг –
Доступны им иные наслажденья.

А спозаранок муэдзина глас
В мечеть погонит правоверных волны:
Еженедельный пятничный намаз,
Рядами тесными все храмы полны.

И бедуины, кочевой народ,
Живут здесь
словно стражники пустыни.
Чужак залетный мимо не пройдёт,
Жилища их сторожками застыли.

В пустынных землях –
плодородный край:
Хурма, папайя, апельсин, лимоны...
Мы обрели благословенный рай,
Притягивают взор деревьев кроны.

И в девятикрылой, белоснежной
Юрте богачей родился нежный
Сын, наследник байских табунов.
Баймурат расщедрился, бесспорно:
Шесть кобыл породистых, отборных
Вестникам он подарить готов.

Сына Шамурата нарекают
Родичи, что суеверья знают,
Именем пророческим – Жалгас.
Ну а Баймурат желает сыну
Вырасти джигитом умным, сильным,
Акылбай – вот имя в самый раз.

И среди пастухов, которых много,
Словно дней безрадостных у бога,
Баймурат приблизил одного.
Шамурат пришелся, знать, по сердцу,
Для детей открыта дружба дверца,
Сын – у бая, сын и у него.

Вот однажды в играх беспризорных
По крутым опасным тропкам горным
У ручья резвилась детвора.
С лютым зверем предстояла встреча,
Леопард не сразу был замечен,
Испытаньем стала та игра.

Рядом с Акылбаем и Жалгасом
Леопард косит голодным глазом,
Как же тут ребятам поступить?
Руку друга сжав до боли крепко,
Всматриваясь в леопарда цепко,
Попросил Жалгас спокойным быть.

«Ты не шевелись, мой друг сердечный!
Нас, попавшихся в игре беспечной,
Может быть, убережет Аллах».
Леопард, в раздумье постоявши,
Всё-таки друзей не тронул наших,
Скрылся в два прыжка в родных горах.

Баймурат узнал от Акылбая,
Как Жалгас, от смерти их спасая,
Мужество и храбрость показал.
Мудрый бай, как небесам угодно,
Родичей созвал и принародно
Шамурата братом вслух назвал.

Акылбай с Жалгасом побратались,
Никогда с тех пор не расставались,
Были вместе, не разлей вода.
Пусть и родились в домах неравных,
Ладили друг с другом братья славно,
Но подстерегала их беда.

В гонке за архаром круторогим
Подвели их горные дороги,
Акылбай, споткнувшись, соскользнул
В глубину расщелины опасной.
Только крик раздался громко, ясно,
И ответил эхом звонкий гул.

Поспешил Жалгас, спасая братца.
Нужно вслед в расщелину спускаться,
Ветку увидел над краем скал.
Акылбай был жив, хоть сил немного,
Уповал на брата, как на бога,
Помощи его покорно ждал.

К тamarисковой гибчайшей ветке
Привязав веревку крепко-крепко,
С верой в силу рук и свой успех,
Помолившись потихоньку богу,
Стал Жалгас спускаться понемногу,
Вниз скользил без видимых помех.

Показались вечностью минуты
Для того, кто как в силках, запутан,
Угодил в опасный переплет.
Не на шутку, видно, перепуган,
Акылбай ждет помощи от друга,
Лишь один Жалгас его спасет.

Привязав к себе концом веревки,
Акылбая высвободил ловко
Смелый и решительный Жалгас.
Пригодилась важная наука:
Резвых скакунов ловить куруком,
Что в степи доводится не раз.

Вот уже спасенье близко-близко,
На пределе ветка тамариска,
И свинцом все мышцы налились.
Вдруг Жалгас услышал скрип негромкий,
И увидел: у опасной кромки
Два джигита за аркан взялись.

Два сопровождающих – у цели,
Помощь оказать едва успели,
Тамариск надломится сейчас.
Ветка угрожающе скрипела,
Но удачей завершилось дело,
Братья спасены на этот раз.

Приходя в себя, сидели тихо,
В этот день пришлось обоим лихо,
Страшных тех минут им не забыть.
Вдруг, не договариваясь, встали
И в объятьях молча зарыдали:
Ведь могла порваться жизни нить.

Тот Жалгас, наследник Шамурата,
Это прадед мой, что жил когда-то,
Уважаем был в своём роду.
От голодомора, лихолетья
Спасены им были семьи, дети,
От потомков он отвёл беду.

С братом Акылбаем были вместе,
Думали о гордости и чести,
Не хотели жалкой жертвой стать.
И, собравши всё для каравана,
В землю отдаленную Ирана
Увели народ свой кочевать.

Месяц шли,
ночами пробирались,
Днями на привалах отсыпались,
Миновали пастбища туркмен,
И в Иран загадочно-далекий,
После испытаний всех жестоких,
Добрались и ждали перемен.

Много лет по горным переходам,
Всем в лишениях выжившим народом
На чужбине мыкаться пришлось.
Я родился в год, когда в Европе
Начался пожар войны жестокий:
Так, увы, совпасть нам довелось.

Девять-десять лет текут рекою,
А отцы не ведают покоя,
Снова откочёвывать хотят.

Так, на тёплых землях Гулистана,
Где-то вдалеке от Казахстана
Я осел на много лет подряд.

Акылбая внуки, подрастая,
Разлетелись, словно птичья стая,
Время нас, потомков, размело.
В Турции и в европейских странах
Проживают братья постоянно,
Редко вспоминая о былом.

От отца нас пятеро осталось,
И семейство наше разрасталось,
И никто не брошен, не забыт.
В Тегеран приехали мы трое,
Этот дом гнездо нам родовое,
Здесь живём и ценим мирный быт.

Пусть я не достиг высот в ученье,
К лучшему имел всегда стремленье,
Мир объездил вдоль и поперек.
Шестеро детей и тридцать внуков,
Двое – здесь, со мной, рука об руку,
На просторах жизненных дорог.

Вкус кумысный мы не позабыли,
Дух казахский бережно хранили,
Дед с отцом учили нас всему.
Наш ата прожил почти столетье,
Рядом были родичи и дети,
Дело было сердцу, и уму.

Много нам поведал дед мудрейший,
Как один из опытных старейшин.
Что-то стерлось в памяти у нас.
Дети знают всё,

но мне мечталось,
Чтобы и на Родине осталась
Повесть эта, дедовский рассказ.

Очень рад, что выслушал меня ты,
Что пришёл в мой дом, чьи стены святы,
Больше мне и не о чем мечтать.
Расскажи теперь и в Казахстане,
Как живут сородичи в Иране,
Пусть и не вернётся время вспять.

Знайте: если Родина приветит,
В Казахстан уедут наши дети,
Притяженье кровное зовёт.
Все образование имеют,
Но чужбина всё-таки не греет,
Сердце кочевую песнь поёт.

Если средь сородичей далёких
Есть, кому понятны эти строки,
Пусть читают, знают о былом,
И о том, что мы по ним тоскуем,
Что звучит наш плач домбровым кюем,
Что желаем видеть отчий дом».

Так пришёл рассказчик к завершенью,
Тот, кто стал иранцем по рожденью,
Но казахский стержень сохранил.
Речь его чиста и полноводна,
Нет в ней ноты чуждой, инородной:
Он язык, как Родину, любил.

Был и я доволен тем визитом
И знакомством с личностью открытой.
Что услышал, всем я передам.
Агажан, пусть вам Аллах поможет,
Ну а я, когда-нибудь, быть может,
Ещё раз вернусь однажды к вам.

Столько драмы в летописи нашей,
Нет для нас земли милей и краше,
И, подняв свой прочный шанырак,
Мы теперь известны всей планете,
И над Казахстаном солнце светит,
Реет голубой наш гордый флаг.

Хоть совсем недолог путь свободный,
Мы живём в семье общенародной
И кандасов с нетерпеньем ждём.
Разговор мой с братом подытожу:
Возвращайтесь, встретим и поможем,
Казахстан – наш с вами общий дом!

Перевод с казахского Рены Жумановой.

